

ЕКАТЕРИНА II И И. И. БЕЦКОЙ
(1767–1795 гг.)^{*}

К 280-летию со дня рождения Екатерины II

Принципиальным положением плана И. И. Бецкого, разделяемым императрицей, являлось утверждение, что воспитательный дом будет содержаться «на едином самопроизвольном подаянии от публики». Практика показала, что размеры добровольных пожертвований недостаточны. Кроме того, пожертвования не являлись надежным источником финансирования и не позволяли строить планы даже на ближайшее будущее. С конца 1760-х гг. основные источники финансирования начали изменяться — доля пожертвований уменьшается, растет процент доходов от разных форм коммерческой деятельности. Возможно, именно развитие ссудно-сберегательной деятельности позволило открыть отделение дома в Петербурге. 15 марта 1770 г. Екатерина II подписала доклад И. И. Бецкого о назначении для него места и выделила на это «доброе начинание» 5000 руб. Как «отделяющаяся часть» Московского дома новое заведение стало именоваться Санкт-Петербургским отделением¹.

В связи с успешным началом коммерческой деятельности возникли планы расширить ее масштабы и подвести под нее законодательную базу. 20 ноября 1772 г. Екатерина II утвердила «Генерального плана воспитательного дома исполнительное учреждение вдовьей, ссудной и сохранной казны, в пользу всего общества». «Учреждение» по сложившейся традиции открывалось докладом назначенных Екатериной экспертов. В их состав на этот раз вошли графы Н. И. Панин, Э. Миних и З. Г. Чернышев, князь А. М. Голицын и Г. Н. Теплов. Они доносили, что прочитали документы «с особливым» вниманием и нашли, что создаваемые учреждения «всему нашему отечеству надобны и полезны» и могут обеспечить «надежное благосостояние вдовам и сиротам», «вспоможение впавшим в нечаянную нужду», «безопасность имущества всякому в особенности». Приближенные императрицы подчеркивали бескорыстный характер каждого заведения и его предполагаемый вклад в развитие национальной финансово-кредитной системы. Они предложили Екатерине повысить статус Опекунского совета и каждого из опекунов, а также создать институт почетных благотворителей. Особую роль в «изобретении» новых учреждений, превосходящих европейские аналогии, по их мнению, сыграл И. И. Бецкой, на которого «уповательно действие исполнительное... возложено быть может», и высокие эксперты предложили предоставить «ему одному» издавать для этих заведений «инструкции и наставления частные», которые не могла бы отменить никакая власть, кроме монархей. Главный попечитель в своем обращении к императрице рассказал об истории создания документа².

Идея создания вдовьей казны, объявившей об организации приема единовременных безвозвратных вкладов от мужей для «избежания от нищеты вдов и сирот» в случае потери кормильца, не получила практического воплощения. В XVIII в., при Екатерине и И. И. Бецком, вкладов в нее не было вовсе³.

Сохранная казна предполагала прием денег с условием выплаты процентов для «сохранения капиталов». Вклады в сохранную казну вносили частные лица, преимущественно дворяне, в ней аккумулировались и средства, отпускаемые на воспитательный дом Екатериной и Павлом Петровичем. Общая сумма пожертвований от имени императрицы и наследника до конца 1796 г. достигла 2050000 руб.⁴. В сохранную казну направлялись и получаемые воспитательным домом добровольные подаяния. Туда попали и два крупных пожертвования, связанных с именами родственников И. И. Бецкого: в 1767 г. — 10000 руб., завещанные «для призрения бедных» принцессой А. И. Гессен-Гомбургской (в девичестве кн. Трубецкой, сводной сестрой И. И. Бецкого), в 1769 г. —

* Окончание. Начало см.: Вестник Герценовского университета. 2009. № 4–5.

22000 руб. от имени княгини Е. Д. Голицыной (дочери А. И. Гессен-Гомбургской, племянницы И. И. Бецкого) «на посыпку в чужие государства российских молодых недостаточных людей для обучения их врачебной науке»⁵.

Выдача ссуд под залог недвижимости, вторая важнейшая операция сохранной казны, приобрела относительно широкие масштабы с 1770 г., но до 1775 г. на каждую сделку требовалось согласие главного попечителя, а ссуды выдавались большей частью лицам, ему известным⁶. Если свободных средств в нужный момент не хватало, И. И. Бецкой переводил на счет дома собственные деньги для выдачи их под залог. До 1775 г. он выделил на эти цели 240000 руб. Проценты от таких займов перечислялись на счет главного попечителя, а дом получал значительные пожертвования⁷.

Сохранная казна в царствование Екатерины II, являясь по сути кредитно-сберегательным коммерческим учреждением, сохраняла некоторые черты благотворительного заведения и имела определенный налет корпоративности. Ее целью в первую очередь являлся сбор средств на содержание воспитательных домов без привлечения бюджетных ассигнований, а во вторую очередь — кредитование дворянства. Привилегии в этом отношении получили представители высшей знати, в том числе, и потому, что искренне или по настоянию императрицы они стали главными организаторами воспитательных домов.

Под ссудной казной «учреждение» 1772 г. понимало ломбарды, организованные при воспитательном доме. Они должны были выдавать ссуды под залог движимого имущества с относительно невысокими процентами. Ссудная казна не уничтожила ростовщичества, но имела определенные заслуги в деле организации дешевого кредита и, по мнению специалистов, могла способствовать снижению нормы ссудного процента. В царствование Екатерины II их организаторы никогда не забывали о главной цели — финансировании с помощью коммерческой деятельности воспитательных домов. Деятельность сохранной и ссудной казны изменила структуру доходов воспитательных домов. По данным доклада, подготовленного И. И. Бецким в 1787 г., к двадцатипятилетию царствования Екатерины, их доля в доходах домов составляла почти 60%⁸.

После утверждения законопроекта о казнах была проведена церемония набора первого комплекта почетных благотворителей. И. И. Бецкой от имени Екатерины обратился к «почтенным знатным достоинствами в своем государстве *патриотам*» с письмом, приглашая их к «добровольному восприятию сего благотворителей почетных наименования». «Искренно желаю споспешествовать», — немедленно откликнулся Н. И. Панин. К нему присоединились остальные авторы доклада, — Э. Миних, А. М. Голицын, И. Г. Чернышев, Г. Н. Теплов, а также обер-камергер князь А. М. Голицын, граф К. Г. Разумовский, генерал-фельдмаршал граф З. Г. Чернышев, генерал-прокурор Сената князь А. А. Вяземский, князь Я. П. Шаховской, генерал-кригс-комиссар А. И. Глебов. Эти лица и составили первую группу почетных благотворителей, образовавшуюся в мае 1773 г. Таким образом, институт почетных благотворителей оформил покровительство дому со стороны знатных лиц, сподвижников императрицы. Некоторые из них — Н. И. Панин, Э. Миних, А. М. Голицын (обер-камергер), Я. П. Шаховской — сохранили за собой и попечительское звание⁹.

С 1772 г. возросла и ответственность опекунов, вводилась своеобразная внутриведомственная демократия. «Во уверение обществу о исправном управлении должности» ежегодно 21 апреля на генеральном собрании в присутствии попечителей и почетных благотворителей происходило «баллотирование» главного попечителя, опекунов, заопекунов (лиц, исполнявших опекунские обязанности без жалования) и прочих начальников, то есть они получали своеобразный вотум доверия своих коллег на следующий год. Опекуны приносили присягу, клятвенно обещая исполнять свой долг по воле императрицы. Текст присяги прилагался к «исполнительному учреждению».

На протяжении 1770-х гг., после издания «учреждения», организация воспитательных домов не претерпела изменения. Главный попечитель придавал большое значение правильному функционированию ведомственной избирательной системы. Первое «баллотирование» состоялось в Москве 24 декабря 1773 г. Опекунский совет получил из Петербурга примерную «Табель баллотированию», подробное описание процедуры тайного голосования («обряды»), текст речи, которую перед началом выборов в Петербурге должен был произнести главный попечитель, а в Москве — старший член совета, а также обращение И. И. Бецкого к их организаторам. Основной задачей, которую, по его мнению, должен был поставить перед собой «весь корпус» руководителей дома, являлось «избавление себя от неспособных или порочных товарищей и помощников»¹⁰. Впрочем, до 1780 г., когда выборы были отменены, все действующие сотрудники неизменно получали необходимые две трети голосов. Вместе с тем почти никому из новых кандидатов не удавалось заручиться поддержкой квалифицированного большинства. Опекунов не хватало, приходилось определять их на вакансии без голосования. «Баллотирование» превращалось лишь в процедуру утверждения в должности действующего работника, ставшего своим.

Система руководства воспитательным домом, несмотря на свой «многослойный» характер, давала сбои. Почетные благотворители манировали обязанностью посещать ежегодные собрания воспитательного дома, не отличались последовательностью в защите его привилегий в государственных учреждениях. В течение многих лет И. И. Бецкому так и не удалось добиться четкого разграничения функций между Опекунским советом и главным надзирателем, не входившим в число опекунов¹¹. Возникали серьезные трудности с подбором педагогического персонала.

К тому же, благотворительный порыв 1760-х гг. начал иссякать, размеры «неокладных» погодяний не росли. О своих обязательствах перечислять на счет дома часть жалования оставшиеся на службе придворные предпочитали не вспоминать. Недаром И. И. Бецкой напоминал опекунам, что удобный случай для сбора «окладных» денег представился им в 1775 г. во время пребывания императорского двора в Москве¹².

В 1775 г. беспокойство опекунов вызывало и предстоящее посещение Екатерины. Совет попросил главного попечителя снабдить его наставлением на случай монаршего визита. Опытный придворный И. И. Бецкой разъяснял, что прием может быть двоякого вида: «Один бывает формальной, где все приличествующее уважению монарха почтение соблюдено быть должно». О таком визите извещают заранее, и тогда совету следует распорядиться, как «детей ранжировать» и в каком месте говорить ту или иную речь. Однако, скорее всего, по его мнению, императрица посетит дом без соблюдения формальностей. В этом случае «по причине почитаемой незапности» ничего не должно казаться «отменным приготовлением, запросто с обыкновенным наблюдением чистоты принимается, не делая ни токмо никаких церемоний, но и никакого вида быть не надлежит, будто бы кто о том и знал»¹³. Екатерина II побывала в воспитательном доме 24 апреля 1775 г., на следующий день после празднования одиннадцатилетней годовщины его открытия. Внешне все выглядело благопристойно. Императрица предстала перед воспитанниками, выслушала заготовленные заранее речи, пожертвовала дому 2000 руб., перевела по 300 руб. на счет каждого из двух детей — пятилетнего Ивана Иванова и девятилетней Прасковьи Ивановой, преподнесшей ей кружево своего плетения, выразила признательность опекунам и «приставникам». Опекуны через князя Г. А. Потемкина 26 апреля добились ответного визита Екатерине для выражения ей благодарности. Членов совета императрице представил почетный благотворитель князь А. М. Голицын. Они были допущены к «руке Ее императорского величества». Однако в переписке с И. И. Бецким Екатерина с раздражением отметила, что нашла воспитанников неловкими, непонятливыми, молчаливыми и угрюмыми¹⁴. Неудовольствие императрицы являлось показателем постепенного разочарования в идеях своего сподвижника и в том, как они воплощались на практике. Менялось и ее отношение к деятельности И. И. Бецкого в Смольном институте.

Во второй половине 1770-х гг. нарастает недовольство и самого И. И. Бецкого тем, что реальная жизнь воспитательного дома далека от идеалов¹⁵. В 1778 г. у него начинает складываться замысел очередного преобразования. Первая новая идея состояла в уравнении Московского дома и его Санкт-Петербургского отделения по способу управления. 20 марта 1778 г. Екатерина подписала указ о передаче «в пользу нашего воспитательного дома» здания в центре города, на углу Миллионной улицы и Красного канала, ранее принадлежавшего князю А. А. Грузинскому¹⁶.

15 сентября 1780 г., после обсуждения и согласования с опекунами и почетными благотворителями, И. И. Бецкой подписал новое «Учреждение», или «Законоположение». Это первый законодательный акт, посвященный воспитательным домам и не подписанный императрицей, что, очевидно, вновь свидетельствовало о дальнейшем охлаждении отношений между Екатериной и И. И. Бецким. Отсутствие ее подписи не лишило «Учреждение» законодательного характера в связи с особыми полномочиями, предоставленными ею в свое время главному попечителю.

Московский дом и Санкт-Петербургское отделение уравнивались в правах. В каждом из них действовал Опекунский совет во главе с обер-директором. Главный попечитель, выстроив новую систему управления и сохранив за собой общий контроль за соблюдением «Генерального плана», дал обоим советам «на время свободу действовать и все устроить» и вручил им власть над воспитательными домами¹⁷.

Новое «Законоположение» показывает глубокое разочарование его автора в тех людях, с которыми ему пришлось работать вместе. В то же время, И. И. Бецкому, как и другим его современникам, включая крупнейших государственных деятелей России rationalного XVIII в. Петра I и Екатерину II, было свойственно упование на закон и преувеличение его роли в реформировании государственной жизни. Вероятно, к 1780 г. у главного попечителя возникли некоторые сомнения — не в правильности избранного пути, а в способах достижения цели, в правильности конкретных действий, направленных на ее реализацию. Теперь своим заявлением («даю на время свободу») он, по сути, предоставлял руководителям очередной шанс проявить себя и довершить формирование «правильного» воспитательного учреждения. Последующее развитие воспитательных домов пока-

запо, что их руководители не смогли воспользоваться предоставленными возможностями в том смысле, в котором предполагал главный попечитель.

31 мая 1790 г. И. И. Бецкой объявил о возвращении себе полной власти в отношении Петербургского воспитательного дома, но прежнюю систему вернуть не удалось. К этому времени главного попечителя уже одолел непобедимый враг — старость. Он понимал, что не имеет сил контролировать ситуацию в Москве, но и попытка взять в свои руки бразды правления в Петербурге привела к унизительному поражению и ускорила его фактическую отставку. Екатерина II в этом конфликте приняла сторону противников И. И. Бецкого¹⁸. С осени 1790 г. участие И. И. Бецкого в делах воспитательных домов прекратилось. В 1795 г. он скончался.

Итак, только совпадением идей и планов И. И. Бецкого в области воспитания и образования с чаяниями самой императрицы можно объяснить его стремительное возвышение и начало в немолодые годы (ему в то время было уже к шестидесяти) бурной государственной и общественной деятельности. Они нуждались друг в друге, но источники, в первую очередь, переписка, показывают, что отношения Екатерины и старшего из ее сотрудников хотя и носили характер долгий и прочный (постоянные контакты продолжались, по крайней мере, до начала 1780-х г.), но никогда не были идиллически теплыми и безоблачными. Для императрицы И. И. Бецкой — старый, неизбежный предмет ее обихода: им постоянно пользуются, он часто очень удобен (у И. И. Бецкого, например, нередко обедают), но он надоел, над ним постоянно иронизируют и со временем он все более раздражает. Раздражение это особенно ярко проявляется в письмах к третьим лицам. «Гадкий генерал», «старый хрыч» — такими «шутливыми» прозвищами наделяет И. И. Бецкого Екатерина¹⁹. А. С. Лаппо-Данилевский утверждал, что главной причиной разлада являлись претензии И. И. Бецкого на главную роль в создании новых учебно-воспитательных заведений. По его мнению, нуждавшаяся в помощи И. И. Бецкого на первых порах, она «все же едва ли охотно соглашалась на то, чтобы его имя стояло рядом с ее собственным в таких предприятиях, которые получали широкую огласку за границей»²⁰.

Этот мотив, несомненно, имел место, возможно, даже был определяющим в отношениях императрицы с ее сподвижником, но, представляется, что ситуация выглядела несколько сложней. В частности, «Генеральный план» воспитательного дома, подписанный императрицей, наделял главного попечителя И. И. Бецкого уникальными полномочиями, предоставлявшими ему лично редкую в условиях самодержавного государства автономию. Подобные прерогативы он сохранял, по крайней мере, до 1790 г. Думается, к причинам, указанным А. С. Лаппо-Данилевским, добавлялось и разочарование в преобразованиях, начатых И. И. Бецким и проходивших не с тем успехом, веру в который разделяла сама Екатерина. Горечь в отношениях усиливалась прогрессирующей дряхлостью давнего соратника — императрица и сама не молодела!

На закате дней и И. И. Бецкого, и Екатерины отзывы последней о своем преданном помощнике становятся столь беспощадными и жестокими, что не хочется цитировать их на этих страницах²¹. Однако слова — словами, а на деле Екатерина до конца жизни И. И. Бецкого принципиально не изменяла устройство созданных им учебно-воспитательных заведений. Особенно это заметно на примере воспитательных домов. План их коренных преобразований императрица подписала только 28 октября 1796 г. — после смерти И. И. Бецкого и за несколько дней до собственной кончины²². Таким образом, отношение ее к своему соратнику и его делам оставалось весьма сложным и противоречивым.

И. И. Бецкой как куратор созданных им учебно-воспитательных заведений проявил несомненный организаторский талант, честность, бескорыстие, стойкость, принципиальность, порой даже старческое упрямство в отстаивании основных принципов и в то же время гибкость в отношении форм и методов их достижения, непримиримость к порокам и недостаткам своих сотрудников, что нередко провоцировало конфликтные ситуации. Он старался отстаивать интересы детей, баловал их, и воспитанники, как свидетельствуют немногочисленные личные источники, его любили²³. В воспитательных домах в 1790-е гг., когда больной и немощный И. И. Бецкой был уже отстранен от дел, но формально продолжал числиться главным попечителем, его имя обросло легендами, в него верили, как в «доброго царя», который может защитить от жестоких воспитателей. Так, 17 апреля 1794 г. несколько доведенных до отчаяния действиями надзирателей питомцев Петербургского воспитательного дома составили прошение, адресованное «всемилостивейшему государю нашему и попечителю батюшке Ивану Ивановичу Бецкому»²⁴.

Сведения сенатора И. С. Горголи, получившего их из семьи Рибасов, рисуют нам образ старого холостяка с несколько чудаковатыми, но вполне симпатичными привычками. По этим воспоминаниям, И. И. Бецкой был высок и худощав, одевался просто, не употреблял спиртных напитков, любил кофе, никогда не обедал вне дома и даже на кавалерственных обедах во дворце всегда «имел свое кушанье, которое подавалось ему особенно от прочих». Зато в своих изящных и роскошных дворцах на берегу Невы этот изысканный придворный охотно принимал русских и зарубеж-

ных гостей, начиная от Екатерины и зарубежных монархов. По воскресеньям у него обычно устраивался большой обеденный стол. Гости наслаждались комфортом (во все помещения была проведена вода из Невы), любовались произведениями искусства и устроенным на террасе знаменитым висячим садом, по которому бродили цыплята (хозяин увлекался выведением птенцов с помощью инкубатора), и записывались в специальную книгу²⁵.

И. И. Бецкой не был женат. При нем постоянно находилась А. И. Соколова, которая официально считалась его воспитанницей. В судьбе этой девушки он принял большое участие, дал ей образование, пристроил ко двору и, в конце концов, выдал замуж за О. М. де Рибаса. Современники, а вслед за ними и историки считали А. И. Соколову внебрачной дочерью И. И. Бецкого, и, если судить по его завещанию, не без оснований. Большую часть своего состояния он завещал Анастасии Ивановне (обратим внимание на имя, совпадающее с именем любимой сестры), двум ее дочерям и мужу²⁶.

Обладая чувствительной душой, И. И. Бецкой, вероятно, не раз влюблялся, но до нас дошли сведения, возможно, о его последней привязанности, каковой во второй половине 1770-х гг. стала опекаемая им смолянка Г. И. Алымова (в замужестве Ржевская). Эту историю Г. И. Ржевская рассказала в своих воспоминаниях. Если верить их автору, попечитель влюбился в свою воспитанницу, которая была моложе его на 55 лет, не решился открыто сделать ей предложение, о чем она, как можно судить, сожалела, но ревновал ее к жениху, чем доставил ей много неприятностей²⁷.

Таким образом, «индивидуальность» И. И. Бецкого четко вырисовывается только во второй половине его жизни, на фоне государственной и общественной деятельности. Ничем не примечательный «папенькин сынок», впутавшийся в дворцовую интригу придворный, он был замечен в Европе как один из немногих в то время любознательных русских посетителей парижских салонов. Екатерина и ее царствование превращают И. И. Бецкого в фигуру публичную, привлекательную для одних, другими при дворе нелюбимую, как не любят «выскочек», предлагающих необычные, новые идеи. В этих условиях И. И. Бецкой, с детства привыкший скрывать свое происхождение, с одной стороны, жил открыто, публично высказывался по многим важным для него вопросам, с другой — окружил все самое дорогое в своей личной жизни ореолом закрытости и таинственности, с трудом позволяющим историкам высказывать о ней свои суждения.

Примечания

1. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 332. Л. 36; ф. 758. Оп. 26. Д. 370. Л. 1; ПСЗ. Т. 19. № 13429, 13862.
2. ПСЗ. Т. 19. № 13909.
3. Филимонов Д. Д. Еще о кредитных учреждениях воспитательного дома // Русский архив. 1876. № 3. С. 272.
4. РГИА. Ф. 758. Оп. 26. Д. 370. Л. 1–4.
5. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 337. Л. 52.
6. Русский архив. 1876. № 3. С. 267–268.
7. Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX века). СПб., 2001. С. 110; РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 362. Л. 21; Д. 337. Л. 3; Д. 338. Л. 58–59; Д. 339. Л. 4–5 об., 38–41, 85, 96; Д. 340. Л. 36.
8. РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 107. Л. 19.
9. Там же. Ф. 759. Оп. 10. Д. 341. Л. 23–24; Майков П. М. И. И. Бецкой: опыт его биографии. СПб., 1904.
- Приложения. С. 37
10. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 341. Л. 57–60.
11. Майков П. М. И. И. Бецкой: Опыт его биографии. СПб., 1904. Приложения. С. 53–58.
12. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 350. Л. 12.
13. Там же. Л. 6–6 об.
14. Там же. Д. 374. Л. 3, 12; Русская старина. 1896. № 11. С. 404.
15. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 369. Л. 1 об., 3–5, 7–9, 12.
16. Там же. Ф. 758. Оп. 20. Д. 36. Л. 1; Д. 39. Л. 1–2, 37.
17. Санкт-Петербургские ведомости. 1780. № 100. Прибавления.
18. Фруменкова Т. Г. Предыстория и начальная история Санкт-Петербургского воспитательного дома (1763–1796) // Вестник Герценовского университета. 2007. № 4 (42). С. 66–67.
19. Сб. РИО. Т. 1. СПб., 1867. С. 260–263, 279, 285, 287; Т. 9. СПб., 1872. С. 161; Т. 10. СПб., 1872. С. 240, 295, 443; Т. 13. СПб., 1874. С. 340–341.
20. Лаппо-Данилевский А. С. И. И. Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904. С. 12.
21. Русский архив. 1878. Кн. 3. С. 209, 225–226.
22. Фруменкова Т. Г. Императрица Мария Федоровна — продолжательница политики Екатерины по отношению к воспитательным домам // Герценовские чтения 2002. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2002. С. 27–28.
23. Ржевская Г. И. Памятные записки // Институтки. М., 2003. С. 43; Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 34.
24. РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 130. Л. 2.
25. Чтения в обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 4. Смесь. С. 151–156.
26. Там же. С. 148–149.
27. Институтки. С. 44–54.